

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБИЙСТВА И ТЕРАКТОВ СМЕРТНИКОВ

Андрей Вадимович Новиков

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 3 марта 2018 Принята к печати: 9 октября 2018</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу террористической тактики террористов, в частности поиску макро-причин обращения к политическим убийствам видных государственных и общественных деятелей. Исследуются политические и социально-экономические условия, связанные с политическими убийствами, совершенными террористами, в сравнении с условиями, связанными с нападениями террористов-смертников. В ходе исследования была построена серия отрицательных биномиальных регрессионных моделей для четырех периодов с 1995 по 2011 годы. В результате были выявлены некоторые коренные причины, однозначно влияющие на применение террористической тактики в форме политических убийств. Полученные выводы свидетельствуют о том, что террористическая тактика проистекает из различных глубинных проблем страны.</p>
<p>Об авторе: научный сотрудник, кафедра политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова e-mail: Camouflage@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: терроризм; политическое убийство; суицидальный терроризм; террористическая тактика; политическое насилие; сравнительный анализ; регрессионный анализ</p>	

12 декабря 2016 года посол России в Турции Андрей Георгиевич Карлов выступил на художественной выставке в Анкаре, где был убит 22-летним офицером полиции, находящимся вне службы. Боевик, явно симпатизирующий «Исламскому государству» (запрещенная в России террористическая организация), рассерженный участием России в военной операции в Сирии, был впоследствии убит турецким спецподразделением. Несмотря на то, что все последствия этого нападения первоначально несколько ослабили отношения между Россией и Турцией, но в конечном итоге повлияли на решимость обеих стран активизировать сотрудничество в борьбе с терроризмом. Президент Турции Эрдоган даже подчеркнул, что атака была «провокацией», направленной на уничтожение «процесса нормализации российско-турецких отношений»¹. Убийство А.Г. Кар-

лова является наиболее близким примером того, как тактика политического убийства может быть использована террористами для создания страха и неопределенности в стране, подвергшейся нападению.

Террористы часто прибегают к политическим убийствам для достижения своих целей, с 1970 года было зарегистрировано примерно 17 000 инцидентов². Термин «политическое убийство» может быть определен как «убийство (как правило, известного человека) внезапной/тайной атакой, часто

ности, 2016. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20161219/1484037290.html> [V ankare zastrelili rossiiskogo posla v turtsii andreaia karlova (In Ankara, the Russian Ambassador to Turkey, Andrei Karlov, Was Shot Dead)] // *RIA Novosti*, 2016. Mode of access: <https://ria.ru/world/20161219/1484037290.html>

² National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) // Global Terrorism Database [Data file]. 2015. Mode of access: www.start.umd.edu/gtd

¹ В Анкаре застрелили российского посла в Турции Андрея Карлова // РИА Но-

по политическим мотивам»³. В целом, политическое убийство является целенаправленным убийством государственных должностных лиц или лиц страны, представляющих политические, экономические, военные, службы безопасности, социальные, религиозные, средства массовой информации или культурные учреждения. Убийства могут быть мотивированы идеологией, религией, политикой или национализмом. Как и другие террористические акты, политические убийства могут запугивать врагов и общественность, в частности через освещение в средствах массовой информации⁴.

Исследования подтверждают, что политические убийства могут иметь символическое влияние, обнаружив, что население страны сильно пострадало, когда политические деятели были убиты. Примером могут служить психологические последствия убийства президента США Джона Кеннеди⁵. Исследование Л. Фридман показывает, что многие американцы были более шокированы и подавлены после убийства Кеннеди, чем в то время, когда умер их собственный отец⁶. С. Фиджиаут отмечает, что убийства итальянских магистратов Джованни Фальконе и Паоло Борселлино в 1992 году оказали аналогичное воздействие на итальянское общество, вызвав движение против мафии по всей Италии и Европе⁷.

Большая часть научной литературы по политическим убийствам сосредоточена на

эмоциональных и психологических факторах, которые мотивируют террористов. Например, попытки и успешные убийства нескольких президентов США, включая Кеннеди, Линкольна и Рейгана, были отчасти объяснены исходя из таких аспектов проблемы. В литературе также рассматриваются политические последствия нападений. Например, в некоторых работах утверждается, что убийство короля Абдаллы в Иордании в 1951 году почти дестабилизировало страну⁸. Однако, в исследованиях террористические политические убийства пока еще конкретно не рассматривались с точки зрения изучения «коренных причин», подхода, который применяется к исследованию терроризма в целом⁹. Подход «коренных причин» рассматривает социальные, политические и экономические факторы, которые способствуют террористическим атакам¹⁰. В рамках этой структуры в настоящей статье исследуется, обусловлены ли разные виды террористических нападений различными коренными причинами. В частности, определяется, какие причины способствуют террористическим политическим убийствам и как эти первопричины сравнимы с теми, которые связаны с нападениями террористов-смертников.

Связь политического убийства и терроризма

Связь между терроризмом и политическим убийством проявляется в происхождении тактики. Термин «ассасин», ставший в западной научной литературе синонимом политического убийства, происходит из средневековой религиозной террористической секты, которая действовала в Иране и Сирии между 1090 и 1272 гг. Другим сходством между средневековыми убийцами и

³ Stolnici, C.B.; Buda, O. An Unclear Political Assassination: Barbu Catargiu, 1862 – Historical and Medico-Legal Aspects // *Romanian Journal of Forensic Science*, 2012, No. 79, pp. 907-911.

⁴ Wilkinson, P. The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9(2), pp. 51-64.

⁵ Ebel-Lam, A.P.; Fabrigar, L.R.; MacDonald, T.K.; Jones, S. Balancing Causes and Consequences: The Magnitude-Matching Principle in Explanations for Complex Social Events // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010, No. 32(4), pp. 348-359.

⁶ Freedman, L.Z. Social Impact of Attack on a President: Its Public Reverberations // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 195-206.

⁷ Fijuaut, C. Twenty Years ago: The Assassinations of Giovanni Falcone and Paolo Borsellino // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2012, No. 20, pp. 131-136.

⁸ Yitzhak, R. The Assassination of King Abdallah: The First Political Assassination in Jordan: Did it Truly Threaten the Hashemite Kingdom of Jordan? // *Diplomacy and Statecraft*, 2010, No. 21, pp. 68-86.

⁹ Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

¹⁰ Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

современными террористами является использование атак для создания психологического террора среди населения¹¹. Средневековые ассасины были склонны атаковать правителей и лидеров, которые представляли собой существующий политический порядок, который они пытались свергнуть¹². Таким образом, они атаковали людей, которые представляли собой наиболее сложные и защищенные цели, в то время как современные террористы часто предпочитают атаковать относительно легкодоступные цели¹³. Сходство можно увидеть между ассасинами и сегодняшними террористами-смертниками, но Б. Льюис утверждает, что между ними существует заметная разница. Это различие заключается в том, что ислам всегда считал самоубийство величайшим грехом, и существует различие между вовлечением себя в ситуацию, когда смерть неизбежна «от рук сильнейшего врага» по сравнению со «смертью от собственной руки»¹⁴.

Связь между терроризмом и политическим убийством также проявляется в использовании тактики террора в политических целях¹⁵. Ученые отмечают, что политическое убийство совершенные организованными группами для достижения идеологических целей, по-видимому, является феноменом, который значительно развился в течение девятнадцатого века¹⁶. В течение десятилетия,

предшествовавшего Первой мировой войне, число убийств мировых лидеров росло угрожающими темпами, в числе них были императоры, короли, премьер-министры и президенты, таких стран как Россия, США, Испания, Италия, Португалия, Греция, Персия, Франция, Эквадора и Австро-Венгрия.

Признавая актуальность изучения политического убийства как формы терроризма, ученый Н. Бен-Иегуда выступает за важность его изучения как отдельной эмпирической единицы, поскольку эта тактика представляет собой конкретную форму насилия. Важно отметить, что политические убийства можно отличить от других форм терроризма в отношении их целей. Целью политического убийства является конкретный индивид, а целью других видов терроризма нет¹⁷. Н. Бен-Иегуда утверждает, что это различие между политическими убийствами и терроризмом было упущено исследователями и требует дополнительного внимания. Представленное различие между политическими убийствами и другими формами терроризма поддерживает ключевой элемент ситуативного подхода к предупреждению преступности, используемого в криминологии. Этот подход успешно применяется к терроризму и фокусируется на изменении возможностей, связанных с преступлением, с тем чтобы не допустить его возникновения¹⁸. Ситуативный подход также подчеркивает важность специфики преступности. Соответственно, важно изучить конкретные формы терроризма, такие как политические убийства, для понимания процессов, которые влияют на их появление, и тем самым наилучшим образом предотвращать и срывать нападения. Что касается предотвращения, различные террористические тактики должны быть дезагрегированы от терроризма в целом, поскольку на раз-

¹¹ Bogosian, E. Operation Nemesis: The assassination plot that avenged the Armenian genocide. London: Hachette, 2015.

¹² Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

¹³ Clarke, R.V.G., Newman, G. R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group, 2006.

¹⁴ Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

¹⁵ Crotty, W.S. Presidential Assassinations // *Society*, 1998, No. 35, pp. 99-107.

¹⁶ Сибиряков И.В. История политического террора в России в начале XX века в отечественной постсоветской историографии // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.* – 2010. – № 28 (204). – С. 65-70. [Sibiryakov, I.V. Istoriya politicheskogo terrora v Rossii v nachale XX veka v otechestvennoj postsovetской istoriografii // *Vestnik Yuzhno-*

Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki, 2010, No. 28 (204), pp. 65-70.]

¹⁷ Ben-Yehuda, N. Gathering Dark Secrets, Hidden and Dirty Information: Some Methodological Notes on Studying Political Assassinations // *Qualitative Sociology*, 1990, No. 13, p. 345.

¹⁸ Clarke, R.V.G., Newman, G.R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group, 2006.

личные виды террористических актов могут влиять совершенно разные причины.

Ситуативного подход применяется к различным формам терроризма, включая атаки смертников и угон самолетов. Американские ученые Р. Кларк и Г. Ньюман даже использовали его систему для оценки целевой привлекательности политических убийств¹⁹. Поскольку ситуативный подход применялся к различным формам терроризма, подход «коренных причин» может быть также применим к изучению разных видов терроризма. В определенных исследованиях были рассмотрены конкретные формы терроризма, такие как нападения смертников, и их связь с определенными коррелятами на макроуровне. Например, некоторые исследования показывают, что экономические условия, связанные с суицидальным терроризмом, поскольку высокий уровень безработицы и плохие экономические условия помогают террористическим группам в вербовке террористов-смертников, которые могут атаковать важные цели²⁰. Другое исследование показало, что государственные репрессии связаны с суицидальным терроризмом²¹. Американский ученый Р. Пейп также рассматривал макро-условия, которые способствуют нападениям террористов-смертников, обсуждая роль конфликтов, демократии и религии. Он утверждает, что суицидальный терроризм чаще встречается в демократических странах по сравнению со странами с авторитарными правительствами²².

Учитывая, что конкретные формы терроризма, такие как нападения террористов-смертников, были дезагрегированы и проанализированы отдельно от терроризма в целом, удивительно, как мало эмпирических

работ рассматривали политические убийства отдельно от широкой категории терроризма. Учитывая символическое, политическое и психологическое воздействие, которое может иметь политическое убийство, особенно уместно изучить тактику и оценить, как оно соотносится с другими типами террористических атак. Это может помочь исследователям и государственным органам получить более полное представление о лежащих в его основе причинах и условиях, а также способствовать разработке эффективных мер борьбы с терроризмом.

Литература о политических убийствах

Ограниченное число исследований изучали характер террористических политических убийств. Это, по крайней мере, частично связано с трудностями, с которыми сталкиваются ученые при изучении таких тем, как политическое убийство и терроризм²³. Изучался характер политических убийств, но большая часть этой литературы посвящена отдельным событиям или убийствам. Меньше внимания уделялось условиям на уровне страны, окружающим данные события. Эта пустота свидетельствует о том, что целесообразно применить подход «коренных причин» для изучения террористических убийств.

Исследования показывают, что политические убийства символически и психологически влияют на население страны. Считалось, что убийства влиятельных людей создают культурную травму внутри страны²⁴. Убийство главы государства также может оказать глубокое эмоциональное воздействие на общество²⁵. Убийства президен-

¹⁹ Ibid.

²⁰ Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

²¹ Araj, B. Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli conflict // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2008, No. 31, pp. 284-303.

²² Pape, R.A. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*, 2003, No. 97, pp. 343-361.

²³ Freilich, J.D.; LaFree, G. Criminology Theory and Terrorism: Introduction to the Special Issue // *Terrorism and Political Violence*, 2015, No. 27, pp. 1-8.

²⁴ Türkmen-Derivoğlu, G. Coming to Terms with a Difficult Past: The Trauma of the Assassination of Hrant Dink and Its Repercussions on Turkish national Identity // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 19, pp. 674-692

²⁵ Varma, No. K.; Chandiramani, K., Rao, G.P.; Bhave, S.; Kaur, S. Assassination of Indira Gandhi: Impact on Psychiatric Patients // *American Journal of Psychotherapy*, 1989, No. 43, p. 77.

та Линкольна и президента Кеннеди даже привели к тому, что должность президента США стала восприниматься многими как священный культурный объект²⁶. Убийства важных политических деятелей также могут оставить неизгладимое впечатление на воспоминаниях граждан²⁷. Было установлено, что убийства общественных деятелей заставляют некоторых граждан испытывать острые стрессовые реакции²⁸. Граждане, физически не присутствующие при нападении, могут быть психологически затронуты показом события по телевидению.

Помимо этих символических и эмоциональных воздействий убийства могут иметь важные политические последствия и напрямую влиять на деятельность правительства. Должностные лица и политики, которые приходят после смерти своего предшественника, могут столкнуться с уникальными проблемами в установлении своей легитимности²⁹. Политические убийства могут также привести к политическим конфликтам и войнам. Часто цитируемый пример – убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году, наследника Австро-Венгерской империи, послужившее началом Первой мировой войны³⁰. Другим примером является убийство президента Бурунди Мельхиора Ндадье в 1993 году, событие, которое привело

к гражданской войне, в которой были убиты сотни тысяч гражданских лиц³¹.

Значительная часть исследований исследуют отдельных убийц, ответственных за проведение атак. Например, исследование М. Каземзаде и Г. Ид сосредоточено на возможных политических последствиях для идентификации убийцы, убившего ливанского командующего «Хизбаллой» Имада Мугниа³². Многие исследователи подробно описали нестабильные психические состояния убийц президентов США³³. По большей части политические убийства и попытки нападения на государственных служащих, были приписаны психически больным людям. Однако ситуация в США контрастирует с большинством других стран, где убийства должностных лиц чаще всего политически мотивированы³⁴.

«Коренные причины» терроризма

Подход, основанный на «коренных причинах» гласит, что определенные социальные, политические и экономические условия внутри стран создают условия, способствующих формированию и деятельности террористических групп³⁵. Эти условия включают, но не ограничиваются: отсутствием демократии, гражданских свобод и верховенства закона; несостоявшимися или хрупкими государствами; быстрой модернизацией; экстремистскими идеологиями (светские или религиозные); историей политического насилия или других конфликтов; незаконными или коррумпированными правительствами; рели-

²⁶ Schwartz, B. Mourning and the Making of a Sacred Symbol: Durkheim and the Lincoln Assassination // *Social Forces*, 1991, No. 70, pp. 343-364.

²⁷ Zelig, A., Nachson, I. Accurate, Inaccurate and Omitted Details in Collective Emotional Memories: The Case of Itzhak Rabin's Assassination // *Memory*, 2012. V. 20, pp. 742-757.

²⁸ Тарабрина Н.В., Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2014. – 156 с. [Tarabrina, N.V.; Byhovets, Y.V. Terroristicheskaya ugrozy: teoretiko-empiricheskoe issledovanie (Terrorist Threats: Theoretical and Empirical Investigation). Moscow: Iz-vo «Institut psihologii RAN», 2014. 156 p.]

²⁹ Abbott, P. Accidental Presidents: Death, Assassination, Resignation, and Democratic Succession // *Presidential Studies Quarterly*, 2005, No. 35, pp. 627-645.

³⁰ Subjack, J. Review of the Book "Assassination: A History of Political Murder, by L. Porter" // *International Criminal Justice Review*, 2011, No. 21, pp. 470-472.

³¹ Appleton, S. Assassinations // *Public Opinion Quarterly*, 2000, No. 64, pp. 495-522.

³² Kazemzadeh, M.; Eid, G.E. An Analysis of the Assassination of the Lebanese Hezbollah Commander Imad Mughniyah: Hypotheses and consequences // *American Foreign Policy Interests*, 2008, No. 30, pp. 399-413.

³³ Goldstein, J. On Political Assassinations and Heinous Crimes // *Aggressive Behavior*, 1981, No. 7, pp. 268-270.

³⁴ Heyman, M.N. A Study of Presidential Assassins // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 131-150.

³⁵ Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

гиозной или этнической дискриминацией; и неспособностью государства интегрировать диссидентские группы или новые социальные классы³⁶. Исследование М. Хан и Э. Азам раскрывает основные причины терроризма, отмечая, что такие особенности страны, как коррупция, нищета, неравенство, неграмотность, религиозный экстремизм и отсутствие демократических правительств, действуют в разных комбинациях, влияя на людей, которые становятся террористами³⁷. Их выводы подтверждают предложение относительно образования, поскольку они считают, что молодые люди с более низким уровнем образования более склонны участвовать в терроризме по сравнению с другими.

Демократия и терроризм

Тип политического режима и, в частности, демократия, по-видимому, связаны с террористическими атаками. Демократические правительства могут быть более восприимчивыми к терроризму по сравнению с диктаторскими и авторитарными режимами³⁸. Однако в некоторых исследованиях утверждается, что в недемократических странах совершается непропорционально большее число террористических нападений, а также выше число жертв и погибших³⁹. М. Абрамс считает, что террористические нападения происходят чаще в странах, которые не признают гражданских свобод, в то время как М. Финдли и Д. Янг утверждают, что страны с независимыми судебными органами имеют более низкую вероятность совершения терак-

та⁴⁰. Кроме того, выводы М. Абрама подтверждают мнение о том, что террористы предпочитают совершать нападения в недемократических странах по сравнению с демократиями, потому что в этих странах они с большей вероятностью достигнут своих политических целей.

Некоторые ученые определили, что страны с умеренным уровнем политической свободы более подвержены нападениям по сравнению со странами с большей степенью свободы или с авторитарными режимами⁴¹. Другие утверждают, что степень демократии важнее, чем наличие демократического режима, поскольку наиболее демократические и наиболее тоталитарные страны испытывают наименьшее количество атак⁴². Ученый Э. Абади отмечает, что авторитарные режимы могут подавлять политическую свободу, что, в свою очередь, препятствует терроризму. Тем не менее, К. фон Хиппель предлагает, что авторитарные арабские государства могут фактически служить питательной средой для террористических организаций⁴³. Были также обнаружены различия между типом политического режима и типами террористических организаций. Например, Д. Аксоу и Д. Картер обнаружили, что избирательные институты связаны с наличием внутрисистемных групп, которые направлены на достижение определенных политических целей, но не связаны с анти-системными группами, целью которых является полное свержение правительства⁴⁴.

³⁶ Bjørge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode of access: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

³⁷ Khan, M.M.; Azam, A. Root Causes of Terrorism: An Empirical analysis // *Journal of Interdisciplinary Studies*, 2008, No. 20, pp. 65-86.

³⁸ Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

³⁹ Abrahms, M. Why Democracies Make Superior Counterterrorists // *Security Studies*, 2007, No. 16, pp. 223-253.

⁴⁰ Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

⁴¹ Abadie, A. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism (Working Paper No. 10859) / National Bureau of Economic Research. 2004. Mode of access: www.nber.org/papers/w10859

⁴² Bjørge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode of access: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

⁴³ Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

⁴⁴ Aksoy, D., Carter, D.B. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups // *British Journal of Political Science*, 2014, No. 44, pp. 181-204.

Права человека и терроризм

Нарушение прав человека в стране связано с конфликтами, что, в свою очередь, способствует террористическим атакам. В своем исследовании в Северной Ирландии, Р. Келлуэй и Д. Харрелсон-Степхенс обнаружили, что нарушения прав человека обеспечивают среду, благоприятствующую терроризму, что в конечном итоге приводит к террористической деятельности⁴⁵. В частности, авторы обнаружили, что ограничения, связанные с гражданскими и политическими правами католиков, оказали значительное влияние на порождение терроризма. Кроме того, нарушения прав в сфере безопасности со стороны британцев оказали влияние на рост участия ирландских граждан в террористической деятельности. Так, А. Фельдманн и М. Пераль подтвердили эти выводы, сосредоточив внимание на неправительственном терроризме в Латинской Америке⁴⁶. Они определили, что террористические акты в регионе значительно чаще происходят в странах, характеризующихся повсеместными нарушениями прав человека. Другие исследователи проанализировали взаимосвязь между правами на личную неприкосновенность и терроризмом, установив, что страны, которые уважают права на личную неприкосновенность, испытывают меньше атак⁴⁷.

Внутренний конфликт, качество управления и терроризм

Внутренние конфликты внутри страны могут способствовать терроризму. История террора в стране способствует будущим нападениям, поскольку нападения показывают, что страна слаба⁴⁸. Было также уста-

новлено, что фрагментированные правительства связаны с терроризмом. Ученые В. Еубэнк и Л. Веинберг обнаружили, что внутренние террористические группы появляются гораздо чаще в странах, имеющих многопартийные системы с фракционными парламентами и электоратами⁴⁹. Установлено также, что политическая стабильность влияет на продолжительность работы правительства. Например, Л. Уильямс, М. Кох и Д. Смит определили, что правительства, расположенные в левом политическом спектре, скорее всего, рухнут после террористического нападения, чем правые правительства⁵⁰. Нападения, покушения на избираемые должностные лица предполагают, что страна политически нестабильна⁵¹. Другие утверждают, что политическая нестабильность способствует международному терроризму, поскольку она обеспечивает среду, в которой террористы могут учиться и получать важные навыки, необходимые для осуществления нападения⁵².

Ученые в целом согласны с тем, что слабые, хрупкие и несостоятельные государства связаны с риском возникновения терроризма. Прочные режимы, как представляется, препятствуют терроризму, в то время как несостоявшиеся государства способствуют террористической деятельности⁵³. Несостоявшиеся государства считаются оплотами терроризма, поскольку они более склонны

European Journal of Political Economy, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

⁴⁵ Callaway, R.L.; Harrelson-Stephens, J. Toward a Theory of Terrorism: Human Security as a Determinant of Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 773-796.

⁴⁶ Feldmann, A.E.; Perälä, M. Reassessing the Causes of Nongovernmental Terrorism in Latin America // *Latin American Politics and Society*, 2004, No. 46, pp. 101-132.

⁴⁷ Piazza, J.A., Walsh, J.I. Physical Integrity rights and Terrorism // *Political Science and Politics*, 2010, No. 43, pp. 411-414.

⁴⁸ Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism //

⁴⁹ Eubank, W.L.; Weinberg, L.B. Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9, pp. 98-108.

⁵⁰ Williams, L.K.; Koch, M.T.; Smith, J.M. The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *International Studies Perspectives*, 2013, No. 14, pp. 343-361.

⁵¹ Hurwitz, L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*, 1973, No. 5, pp. 449-463.

⁵² Campos, N.F.; Gassebner, M. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect // *Economics and Politics*, 2013, No. 25, pp. 27-47.

⁵³ Howard, T. Failed States and the Spread of Terrorism in Sub-Saharan Africa // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2010, No. 33, pp. 960-988.

принимать террористические группы и подвергаться нападением транснациональных террористических групп⁵⁴. Р. Кортвег отмечает, что государства, обладающие слабыми способностями к качественному управлению, позволяют террористам использовать неконтролируемые районы в качестве безопасных убежищ⁵⁵. Однако, поскольку гражданам пользуются большой свободой в демократических странах, террористы могут также найти аналогичные возможности в рамках сильных и стабильных демократий. К. фон Хиппель утверждает, что разрушенные государства не обязательно могут быть серьезной питательной средой для террористов, но они позволяют террористическим группам свободно осуществлять свою незаконную экономическую деятельность из-за наличия развитой «теневой экономики»⁵⁶.

В своем исследовании Р. Ротберг обсуждает характеристики несостоявшихся государств по сравнению с сильными государствами, некоторые из которых связаны с другими коррелятами терроризма⁵⁷. Например, признаки провала государства включают в себя: быстрое ухудшение жизненного уровня населения, коррупцию, подрыв демократических норм, отсутствие независимости судебных органов, блокирование гражданского общества и отдельных групп, которые лишаются прав или дискриминируются. Напротив, сильные государства имеют хорошие показатели ВВП и экономического роста, Индекса человеческого развития ООН, уровня восприятия коррупции и свободы.

Коррупция и терроризм

Коррупция широко цитируется как первопричина терроризма. Террористы не толь-

ко используют коррупцию в своих интересах, но и сотрудничают с организованными преступными группами в торговле наркотиками для финансирования своей деятельности⁵⁸. Регионы, которые стали свидетелями сближения организованной преступности и терроризма, также предоставили террористам безопасные убежища для их деятельности⁵⁹. Что касается государственной коррупции, коррумпированные органы власти часто порождают противоборствующие коалиции, которые могут избрать терроризм в качестве способа вытеснения политических конкурентов или самого коррумпированного режима⁶⁰. В других же исследованиях было обнаружено, что страны с более высокой воспринимаемой коррупцией фактически испытывают меньше террористических атак⁶¹. Коррупция в государственных органах также влияет на другие важные вопросы, такие как замедление или срыв экономического роста.

Религия и терроризм

Религия играет существенную роль в мотивации к террористической деятельности, поскольку многие террористические группы придерживаются экстремистских

⁵⁴ Piazza, J.A. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007, No. 30, pp. 521-539.

⁵⁵ Korteweg, R. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*, 2008, No. 10, pp. 60-71.

⁵⁶ Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

⁵⁷ Rotberg, R.I. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, 2002, No. 81, pp. 127-140.

⁵⁸ Перенджиев А.Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности. – Химки. Издательство: Академия гражданской защиты МЧС России, 2017. – 151 с. [Perendzhiev, A.N. Antiterroristicheskaya politika Rossii i ee instituty bezopasnosti (Antiterrorist Policy of Russia and Its Security Institutions). Himki. Izdatel'stvo: Akademiya grazhdanskoj zashchity MCHS Rossii, 2017. 151 p.]

⁵⁹ Shelley, L. The Unholy Trinity: Transnational Crime, Corruption, and Terrorism // *Brown Journal of World Affairs*, 2004, No. 11, pp. 101-111.

⁶⁰ Карагаев М.В. Коррупция как причина, условие и сопутствующий фактор российского терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 21. – С. 43-52. [Karataev, M.V. Korrupciya kak prichina, uslovie i soputstvuyushchij faktor rossijskogo terrorizma (Corruption as a Cause, Condition and Concomitant Factor of Russian Terrorism) // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2012, No. 21, pp. 43-52.]

⁶¹ Simpson, M. Terrorism and Corruption // *International Journal of Sociology*, 2014, No. 44, pp. 87-104.

религиозных и идеологических убеждений. Исследователи утверждают, что связь между религиозным фундаментализмом и политическим экстремизмом может быть найдена в большинстве основных религий⁶². Таким образом, религиозно мотивированный терроризм не ограничивается только исламскими террористическими организациями, но также встречается в радикальных христианских, сикхских и еврейских группах. М. Юргенсмайер делает вывод о том, что, хотя религия – это один из элементов современного терроризма, она не обязательно будет основной причиной конфликта⁶³. Ученый Т. Бьёрго утверждает, что религиозная идеология является промежуточной причиной терроризма, в то время как М. Хан и Э. Азам считают религию самым важным фактором, влияющим на участие людей в террористической деятельности. Исследования показывают, что, когда группы, принадлежащие к меньшинству (религиозному), исключаются из процесса управления страной или регионом, члены этой группы могут чувствовать себя отчужденными и будут более склонны использовать терроризм как средство достижения своих целей⁶⁴. В серии интервью с осужденными террористами и их сторонниками, М. Юргенсмайер показал, что их насильственные действия являются по существу «символическими заявлениями», которые служат воодушевления «отчаявшихся общин». Так, Т. Бьёрго утверждает, что религиозная или этническая дискриминация является основной причиной этнонационалистического терроризма.

Экономические корреляции терроризма

Исследования отмечают противоречивые выводы о связи между экономическими показателями уровня страны и террориз-

мом⁶⁵. Некоторые ученые обнаружили, что быстрая модернизация в форме экономического роста связана с определенными формами терроризма⁶⁶. Другие же не находят никакой связи между экономическим развитием и терроризмом⁶⁷. В некоторых исследованиях было установлено, что появление террористических групп в стране увеличивается по мере увеличения ее ВВП на душу населения⁶⁸. Некоторые считают, что террористическая деятельность выше в странах с более высоким ВВП⁶⁹. В целом существует согласие с тем, что более бедные страны не испытывают больше террористических нападений по сравнению с более богатыми странами. Политолог Д. Пьяцца считает, что страны, в которых существует экономическая дискриминация меньшинств, имеют значительно больше внутренних террористических актов⁷⁰. Некоторые исследователи полагают, что существует косвенная, а не прямая связь между нищетой и терроризмом⁷¹. В исследовании Г. Блэра, посвященном отношению пакистанцев к воинствующему насилию, авторы обнаруживают, что бедные граждане на самом деле гораздо больше не любили экстремистские организации по сравнению с представителями среднего класса⁷². В своей

⁶² Pratt, D. Religion and Terrorism: Christian Fundamentalism and Extremism // *Terrorism and Political Violence*, 2010, No. 22, pp. 438-456.

⁶³ Juergensmeyer, M. *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*, Vol. 13. Berkeley, CA: University of California Press. 2003.

⁶⁴ Satana, N.S.; Inman, M.; Birnir, J.K. Religion, Government Coalitions, and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2013, No. 25, pp. 29-52.

⁶⁵ Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

⁶⁶ Choi, S.W.; Luo, S. Economic Sanctions, Poverty, and International Terrorism: An Empirical Analysis // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 217-245.

⁶⁷ Piazza, J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*, 2006, No. 18, pp. 159-177.

⁶⁸ Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

⁶⁹ Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

⁷⁰ Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

⁷¹ Krueger, A.B.; Malečková, J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, No. 17, pp. 119-144.

⁷² Blair, G., Christine Fair, C., Malhotra, N., Shapiro,

работе М. Хан и Э. Азам, однако, обнаруживают, что люди из богатых семей с меньшей вероятностью участвуют в террористической деятельности, чем люди из более бедных семей. В отличие от других исследований, они утверждают, что бедность является значительным коррелятом терроризма на индивидуальном уровне.

В целом, предыдущие исследования нашли множество социальных, политических и экономических показателей, связанных с терроризмом. Их выводы предлагают полезное руководство для изучения связей между показателями на страновом уровне и конкретной террористической тактикой, такой как политические убийства и нападения террористов-смертников. Кроме того, противоречивые выводы о том, как каждый показатель связан с терроризмом, подчеркивает необходимость дальнейших исследований, тем самым обеспечивая более полное понимание характера терроризма.

Методология

Поскольку единой всеобъемлющей базы данных, содержащей различные корреляты терроризма на страновом уровне, пока не существует, соответствующие показатели были составлены из разных источников. Многие из упомянутых выше исследований используют аналогичные данные для изучения связи между этими различными условиями и терроризмом. Этот подход является сложным, поскольку многие источники различаются в зависимости от количества предоставленных данных, а также количества охваченных стран. Кроме того, некоторые наборы данных меняют свою методологию и добавляют или удаляют переменные за разные годы. Следовательно, анализы, проводимые в разное время, могут содержать разные переменные. Поскольку это усложняет задачу непрерывного лонгитюдного анализа, в этой статье используется более простой подход. В частности, анализируются четыре двухлетних периода: 1995-1996,

2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 гг. Независимые переменные измеряют следующие условия, связанные с терроризмом: свобода, коррупция, хрупкость государства, права человека, религия, качество управления, экономический рост и внутренние конфликты.

Зависимые переменные – совокупность всех террористических политических убийств и терактов с использованием смертников в течение вышеуказанных двухлетних периодов в 199 странах. Хотя первоначально была предпринята попытка провести анализ за четыре года, были обнаружены ошибки сходимости в некоторых многомерных моделях по причине малого количества наблюдений в зависимых переменных. Так, данные о количестве политических убийств и нападений террористов-смертников были агрегированы за эти двухлетние периоды, в то время как независимые переменные представляют собой показатели, рассчитанные за один год. Например, в модели 1995-1996 годов зависимые переменные (политические убийства и нападения с применением смертников) представляют собой общее количество таких инцидентов, имевших место в период с 1995 по 1996 год, в то время как независимые переменные рассчитаны только за 1995 год. Так, предполагается, что эти показатели на страновом уровне остаются относительно стабильными на протяжении двух лет, поэтому политические, экономические и социальные показатели для страны в 1995 году остаются неизменными в 1996 году. Этот подход не имеет сложностей, связанных с лонгитюдным анализом, что позволяет более четко интерпретировать результаты. Каждый источник данных кратко обсуждается ниже. Важным преимуществом этих источников является то, что каждый из них является наиболее распространенным инструментом сбора данных, основанном на применении единообразных определений и индикаторов для сложных политических, социальных и экономических конструкций.

Зависимая переменная

Как уже отмечалось, зависимыми переменными, используемыми в анализе, являются общее количество политических убийств,

J.N. Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan // *American Journal of Political Science*, 2013, No. 57, pp. 30-48.

совершенных террористами, и общее количество терактов смертников. Данные составлены на основе *Global Terrorism Database (GTD)*. GTD содержит данные об инцидентах по каждому террористическому акту, совершенному во всем мире с 1970 года. Для целей этой статьи рассматриваются только террористические инциденты, отнесенные к категории политических убийств и нападений с применением смертников. Кодовая книга GTD определяет политическое убийство как:

«Акт, основной задачей которого является убийство одного или нескольких конкретных, значимых личностей. Обычно совершается в отношении, общественно-заметных лиц, например, высокопоставленных военных, правительственных чиновников, знаменитостей и т.д. Не включает нападения на отдельных членов целевой группы. Убийство сотрудника полиции было бы вооруженным нападением, если нет оснований полагать, что нападавшие выделили особо видного офицера для покушения».

GTD рассматривает инцидент как терроризм с использованием смертника, когда «есть доказательства того, что преступник не собирался остаться после нападения живым». Чтобы избежать ошибок сходимости в окончательных регрессионных моделях каждая зависимая переменная представляет собой подсчет атак, агрегированных по четырем отдельным двухгодичным периодам: 1995-1996, 2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 гг.

Тип политического режима

Данные, полученные из базы Freedom House, указывают на уровень свободы или же тип политического режима, существующие в разных странах. Баллы присваиваются каждой стране на основе соблюдения ими политических прав и гражданских свобод. Каждой стране присваивается рейтинг от 1 до 7 для каждой из двух категорий⁷³. Среднее значение этих двух рейтингов определяет, считается ли страна «свободной» (1-2,5),

⁷³ Freedom House. Freedom in the World 2015. Methodology. 2015. Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/methodology#.VNZ9TrDF-n0>

«частично свободной» (3-5) или «несвободной» (5.5-7).

Права человека

Переменные для прав на личную неприкосновенность и независимость судебных органов получены из набора данных о правах человека *Cingranelli-Richards (CIRI)*. Права на личную неприкосновенность включают «право не подвергаться пыткам, применение смертной казни без длительного расследования, исчезновению или тюремному заключению за политические убеждения»⁷⁴. Судебная власть считается независимой, если она свободна от контроля других источников, таких как другая ветвь власти или военных. Переменная прав на личную неприкосновенность колеблется от 0 (правительство не соблюдает эти права) до 8 (правительство полностью уважает эти права). Переменная, измеряющая независимость судебной системы, колеблется между 0 (судебная система не является независимой) и 2 (полностью независимая судебная система).

Внутренний конфликт

Четыре независимые переменные измеряют внутренний конфликт: основные эпизоды политического насилия в обществе; число беженцев, принимаемых страной; число исходящих из страны беженцев; и число внутренне перемещенных лиц в стране.

Переменная для основных эпизодов политического насилия в обществе получена из базы данных *Major Episodes of Political Violence*, подготовленных Центром за системный мир (*Center for Systemic Peace*). Он содержит данные за период с 1946 по 2013 год и определяет основные эпизоды политического насилия как инциденты, в которых «систематическое и устойчивое использование насилия организованными группами, в результате которого в ходе эпизода погибли

⁷⁴ Cingranelli, D.; Richards, D. The Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project Coding Manual. Version 5.20.14. Mode of access: www.humanrightsdata.com/p/data-documentation.html

по меньшей мере 500 человек»⁷⁵. Оценка переменной может варьироваться до 40, где более высокий балл указывает на более значительные эпизоды политического насилия в обществе.

Переменные, измеряющие количество беженцев, размещенных в стране, число происходящих из страны беженцев, и количество внутренне перемещенных лиц, составлены получены из базы, составленной Center for Systemic Peace. Данные доступны за период с 1964 по 2008 год.

Качество управления

Показатели эффективности государственного управления, верховенства закона и политической стабильности были получены из набора данных Worldwide Governance Indicators (WGI). Переменная эффективности правительства измеряет восприятие общественностью качества государственных и общественных услуг, а также независимость от политического давления. Переменная для верховенства закона измеряет восприятие уверенности в том, что агенты следуют правилам общества⁷⁶. Политическая стабильность измеряет восприятие стабильности правительства, например, может ли правительство быть свергнуто в результате политического насилия и терроризма. Каждая из этих переменных оценивается от -2,5 (слабое управление) до 2,5 (сильное управление). Двумерный анализ показал, что в течение большинства лет все четыре переменные качества управления измеряли одну и ту же основную конструкцию, указывая на то, что в многомерном анализе необходимо использовать только одну из переменных. Показатель прав на личную неприкосновенность был тесно связан с переменной политической стабильности для большинства моделей, но поскольку обе переменные, по-видимому, измеряют две теоретически

различные концепции, они обе включены в модель 2010-2011 годов.

Коррупция

Для измерения уровня коррупции показатель «контроль над коррупцией» был получен из набора данных WGI за 2000-2001 и 2005-2006 годы. Показатель контроля над коррупцией измеряет восприятие общественностью коррупции в государственном секторе, причем оценки варьируются от -2,5 (слабый контроль правительства над коррупцией) до 2,5 (сильный контроль правительства над коррупцией).

Религия

Независимая переменная, измеряющая религиозное разнообразие, принадлежит проекту *World Religion Project*, который собирает данные о процентной доле населения страны, исповедующего различные религии⁷⁷. Проект содержит данные за каждые пять лет в период с 1945 и по 2010 годы. Индекс религиозного разнообразия был создан в соответствии с индексом фрагментированности Херфиндала, который использовал метод для создания индекса этнического разнообразия. Индекс колеблется от 0 до 1, где 0 указывает на религиозную однородность, а 1 указывает на то, что страна является религиозно неоднородной.

Экономический рост

Переменной, измеряющей экономический рост в стране, является валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, полученный из данных Всемирного банка (*World Bank*). Данные о ВВП предоставляются на ежегодной основе с 1960 и измеряются в долларах США. Несмотря на сильную корреляцию между ВВП на душу населения и контролем над показателем коррупции в трех моделях, обе меры остаются в конечном анализе.

⁷⁵ Marshall, M.G. Codebook: Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946-2013 // Center for Systemic Peace. 2014. Mode of access: www.systemicpeace.org

⁷⁶ Kaufmann, D.; Kraay, A.; Mastruzzi, M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and analytical issues // *Hague Journal of the Rule of Law*, 2011, No. 3, pp. 220-246.

⁷⁷ Maoz, Z.; Henderson, E.A. The World Religion Dataset, 1945-2010: Logic, Estimates, and Trends // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 265-291.

Описательная статистика

Как показано в *Таблице 1*, в период с 1995 по 2014 год было зарегистрировано в общей сложности 6080 террористических политических убийств, причем большинство нападений было совершено лишь в нескольких странах. В каждый из четырех периодов на 20 стран приходится 84% и 99% всех террористических политических убийств.

Важно отметить, что тенденции изменения числа политических убийств и условия на государственном уровне в каждый период времени (1995-1996 годы, 2000-2001 годы, 2005-2006 годы и 2010-2011 годы) в какой-то степени отражают различные мировые события, происходящие в то время. Например, участие США в Ираке и Афганистане, начавшееся в начале 2000-х годов, вероятно, объясняет, почему две страны испытали наибольшее число инцидентов в 2005-2006 и 2010-2011 годах. Аналогичным образом, в периоды 1995-1996 и 2000-2001 годов в Колумбии произошло значительное количество террористических убийств в результате конфликта, связанного с Революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК) и Национальной освободительной армией. Шри-Ланка входит в первую десятку стран, которые испытали наибольшее количество убийств за все периоды, кроме 2010-2011 годов. Это можно объяснить тем, что гражданская война на Шри-Ланке закончилась в 2009 году, когда шри-ланкийские военные победили Тигров освобождения Тамил-Илама. Йемен не входил в число 10 ведущих стран, которые испытывали атаки, до 2010-2011 годов, изменение ситуации может быть объяснено напряженностью между северным и южным Йеменом, которая вновь возникла в 2009 году и протестами 2011 года, вдохновленными восстаниями «Арабской весны» в Тунисе и Египте, и гражданской войны, начавшейся в 2014 году. В период с 1995 по 1996 год Великобритания испытала множество политических убийств, большинство из которых являлись результатом конфликта в Северной Ирландии. После периода 2000-2001 годов, а именно после подписания в 1998 году мирного Соглашения Страстной пятницы, Великобритания не находилась

среди 20 ведущих стран, которые испытали нападения. Испания была одной из десяти ведущих стран, в которой в период 2000-2001 годов произошли политические убийства, но она не вошла в число 20 стран, подвергшихся нападениям в любой из последующих периодов. Эти тенденции связаны с деятельностью Баскской сепаратистской группы ЭТА в стране, а также с несколькими заключенными группой соглашениями о прекращении огня. К ним относятся прекращение огня в период с сентября 1998 года по ноябрь 1999 года, девятимесячное прекращение огня начиная с марта 2006 года и постоянное прекращение огня, которое началось в сентябре 2010 года. В России все эти периоды отмечены широко-масштабными операциями и двумя войнами против террористов на Северном-Кавказе. Хотя можно утверждать, что тенденции политических убийств меняются по мере того, как изменяется геополитическая реальность, некоторые страны, такие как Пакистан, Россия и Индия, постоянно сталкиваются с высокой частотой нападений во все четыре периода.

Таблица 2 содержит описательную статистику за каждый год и показывает дисперсию обеих зависимых переменных. Все независимые переменные имеют менее 25% пропущенных наблюдений, что говорит о целесообразности их использования в дальнейшем анализе

Поскольку зависимые переменные представляют собой данные о редких случаях, когда большинство стран сталкивались с нулевым числом нападений, для каждого периода (1995-1996, 2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 годы) была построена отрицательная биномиальная регрессионная модель для определения того, каким образом независимые переменные, измеряющие коренные причины терроризма, связаны с политическими убийствами и суицидальным терроризмом (в общей сложности восемь моделей).

Таблица 1

Список 20 стран, в которых террористические политические убийства происходят более часто

№	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011		Атаки		
	Страна	Атаки	№	Страна	Атаки	№	Страна	Атаки		№	Страна
1	Пакистан	337	1	Индия	32	1	Ирак	156	1	Ирак	300
2	Алжир	130	2	Колумбия	31	2	Афганистан	38	2	Афганистан	113
3	Колумбия	93	3	Россия	22	3	Шри-Ланка	27	3	Пакистан	86
4	Египет	73	4	Испания	19	4	Таиланд	25	4	Россия	52
5	Индия	45	5	Филиппины	13	5	Алжир	21	5	Йемен	32
6	Гватемала	38	6	Пакистан	12	6	Индия	18	6	Сомали	29
7	Россия	34	7	Шри-Ланка	9	7	Пакистан	12	7	Индия	23
8	Шри-Ланка	33	8	Палестина	7	8	Филиппины	11	8	Филиппины	21
9	Таджикистан	30	9	Югославия	7	9	Колумбия	10	9	Нигерия	9
10	Гаити	26	10	Алжир	6	10	Непал	9	10	Колумбия	8
11	Бангладеш	22	11	Индонезия	6	11	Россия	7	11	Бангладеш	5
12	Великобритания	22	12	Великобритания	5	12	Сомали	5	12	Таиланд	5
13	Франция	21	13	Сомали	4	13	Нигерия	4	13	Иран	4
14	Мексика	21	14	Таджикистан	4	14	Гватемала	3	14	Алжир	2
15	Турция	20	15	Гаити	3	15	Палестина	3	15	Турция	2
16	Филиппины	19	16	Косово	3	16	Бангладеш	2	16	ДР Конго	1
17	Бурунди	14	17	Армения	2	17	Индонезия	2	17	Грузия	1
18	Испания	12	18	Бангладеш	2	18	Йемен	2	18	Германия	1
19	Палестина	11	19	Грузия	2	19	Бурунди	1	19	Греция	1
20	Гондурас	10	20	Греция	2	20	Гвинея	1	20	Индонезия	1

Примечание: в период между 1995 и 2014 годами, во всем мире произошло в общей сложности 6180 террористических политических убийств. На 20 стран приходится 84-99% всех политических убийств, которые произошли в каждый период.

Table 1. List of 20 Countries in which Terrorist Political Assassinations Occur more Frequently

Таблица 2

Описательная статистика

Переменная	1995		2000		2005		2010	
	Значение	Ср. откл.	Значение	Ср. откл.	Значение	Ср. откл.	Значение	Ср. откл.
Террористические политический убийства*	6.08	27.39	1.15	4.07	1.83	11.85	3.53	23.94
Теракты смертников*	0.18	1.31	0.45	2.57	1.89	18.33	1.87	12.47
Индекс свободы в мире	3.64	2.04	3.48	1.99	3.22	1.97	3.30	1.97
Право на личную неприкосновенность**	4.80	2.31	4.52	2.34	5.11	2.22	5.01	2.26
Независимость правосудия	-1.57	14.19	-0.76	11.83	0.69	5.74	0.50	5.67
Политическое насилие	0.76	1.66	0.53	1.50	0.42	1.25	0.37	1.18
Принимаемые беженцы**	95.75	266.75	90.89	285.10	74.50	208.17	-	-
Происходящие из страны беженцы **	90.62	357.98	87.58	431.88	71.95	311.43	-	-
Внутренне перемещенные лица**	129.47	424.87	138.59	453.89	128.48	530.59	-	-
Политическая стабильность	-	-	-0.10	1.01	-0.06	1.00	-0.07	1.00
Верховенство закона	-	-	-0.06	1.00	-0.07	0.99	-0.07	0.99
Качество управления	-	-	-0.06	1.00	-0.07	1.00	-0.06	1.00
Контроль над коррупцией	-	-	-0.05	1.01	-0.07	1.00	-0.06	1.01
Религиозное многообразие	0.33	0.25	0.33	0.24	0.33	0.24	0.33	0.24
ВВП на душу населения	8934.41	15,221.9	10,097.54	17,625.3	8978.01	15,252.7	9928.49	14,791.3

Примечание: *Агрегированные переменные за двухлетний период (1995-1996; 2000-2001; 2005-2006; 2010-2011); **Количество пропущенных значений варьируются от 19% до 24%

Table 2. Descriptive Statistics

Поскольку зависимые переменные представляют собой данные о редких случаях, когда большинство стран сталкивались с нулевым числом нападений, для каждого периода (1995-1996, 2000-2001, 2005-2006 и 2010-2011 годы) была построена отрицательная биномиальная регрессионная модель для определения того, каким образом независимые переменные, измеряющие коренные причины терроризма, связаны с политическими убийствами и суицидальным терроризмом (в общей сложности восемь моделей). Как видно из Таблицы 2, распределение (дисперсия) зависимых переменных по всем четырем периодам указывает на то, что отрицательная биномиальная регрессия является подходящим аналитическим инструментом. Как отмечалось, анализ первоначально проводился с использованием зависимых переменных, измеренных за один год (1995, 2000, 2005 и 2010 годы), а не за двухгодичный период. Тем не менее, в некоторых моделях обнаружилось ошибки из-за низкого количества необходимых наблюдений. Вместо анализа для одного года и для того, чтобы все модели сходились, политические убийства и теракты смертников были объединены в двухлетние периоды. Все независимые переменные измерялись за один год и не представляли собой агрегированные данные. Хотя при использовании панельного анализа можно было бы учитывать данные в течение нескольких лет, все же могли бы возникнуть ошибки модели, происходящие в результате низкой частоты наблюдений в зависимых переменных. Таким образом, более простой анализ, проведенный в этой статье, можно считать выгодным, поскольку в нем избегаются сложности, связанные с панельным анализом.

Результаты

Результаты каждой из отрицательных биномиальных регрессий можно увидеть в *Таблице 3* и *Таблице 4*. Из-за недостающих значений для некоторых переменных окончательный размер выборки варьировался для разных периодов времени. Из первоначальных 199 стран 139 были проанализированы в модели 1995-1996 годов, 144 – в модели 2000-

2001 годов, 148 – в модели на 2005-2006 годы и 158 – в модели 2010-2011 годов. Полученные результаты показывают, что некоторые меры значительно связаны как с террористическими убийствами, так и с терактами с использованием смертников: права на личную неприкосновенность, политическую стабильность и ВВП на душу населения. Они также показывают, что некоторые факторы связаны только с политическими убийствами, а не с нападениями смертников: политическим насилием, внутренне перемещенными лицами и религиозным разнообразием. Атаки смертников связаны с одним фактором на уровне страны, с который не связаны: число происходящих из страны беженцев.

Что касается факторов, связанных как с политическими убийствами, так и с атаками террористов-смертников, то страны, которые соблюдают права на личную неприкосновенность, значительно реже подвергаются обоим видам нападений в трех из четырех периодов. В 1995-1996 годах каждое дополнительное повышение уровня прав на личную неприкосновенность, наблюдаемое в той или иной стране, было связано с сокращением числа политических убийств на 32% и сокращением числа нападений смертников на 82%. Эти изменения привели к снижению числа политических убийств на 40% и уменьшению атак террористов-смертников на 62% в 2000-2001 годах. Каждое дополнительное увеличение наблюдаемых прав на личную неприкосновенность на одну единицу связано со снижением числа терактов с использованием смертников на 59% в 2005-2006 годах и сокращением числа политических убийств на 50% в 2010-2011 годах. В 2010-2011 годах при каждом дополнительном увеличении политической стабильности на одну единицу вероятность политических убийств в странах была на 96% меньше, а вероятность нападений смертников на 87% меньше. В 2010-2011 годах ВВП на душу населения был положительно связан с террористическими убийствами и атаками смертников, что свидетельствует о том, что нападения увеличиваются по мере роста ВВП страны на душу населения. Однако для обоих типов нападений коэффициенты инцидентов очень близки к 1,00, что

свидетельствует о том, что каждое увеличение единицы ВВП на душу населения связано с очень небольшим увеличением числа

террористических убийств и террористических актов с использованием смертников (примерно 0,001%).

Таблица 3

Террористические политические убийства – отрицательные биномиальная регрессионные модели

Переменная	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011	
	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR	Коэфф. (Ст. ошибка)	IRR
Индекс свободы	0.05 (0.15)	1.05	-0.25 (0.17)	0.78	0.002 (0.31)	1.00	-0.26 (0.29)	0.77
Право на личную неприкосновенность	-0.38 (0.12)**	0.68**	-0.51 (0.12)***	0.60***	-0.26 (0.26)	0.77	-0.69 (0.28)	0.50*
Независимость правосудия	0.43 (0.37)	1.53	0.33 (0.46)	1.40	-0.29 (0.83)	0.75	-0.77 (0.89)	0.46
Политическое насилие	0.50 (0.21)*	1.65*	0.41 (0.16)**	1.51**	0.78 (0.34)*	2.17*	-0.14 (0.25)	0.87
Принимаемые беженцы	0.001 (0.001)	1.00	0.001 (0.001)	1.00	0.002 (0.003)	1.00	–	–
Происходящие из страны беженцы	-0.001 (0.001)	1.00	-0.01 (0.003)^	0.99^	0.003 (0.003)	1.00	–	–
Внутренне перемещенные лица	-0.001 (0.001)*	1.00*	0.000 (0.001)	1.00	0.001 (0.002)	1.00	–	–
Политическая стабильность	–	–	–	–	–	–	-3.19 (0.62)***	0.04***
Контроль над коррупцией	–	–	-0.31 (0.47)	0.73	-0.08 (0.98)	0.92	–	–
Религиозное разнообразие	-2.26 (0.78)**	0.11**	-1.71 (0.84)*	0.18*	-4.44 (1.68)**	0.12**	-1.26 (2.07)	0.28
ВВП на душу населения	3.18E-05 (2.01E-05)	1.00	3.93E-05 (2.99E-05)	1.00	-2.80E-05 (7.69E-05)	1.00	0.00 (4.83E-05)***	1.00***
Константа	2.47 (1.15)*	–	2.27 (1.10)*	–	1.11 (1.98)	–	-0.16 (2.16)	–
Отношение правдоподобия χ^2	66.998***	–	62.19***	–	42.988***	–	74.00***	–
Число наблюдений	$n = 139$	–	$n = 144$	–	$n = 148$	–	$n = 158$	–

Примечание: ^ $p < .10$; * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Table 3. Terrorist Political Assassinations – Negative Binominal Regression Models

В Таблице 3 показано, что политические убийства положительно связаны с крупными случаями политического насилия и негативно связаны с религиозным разнообразием в трех из четырех периодов (1995-1996 годы; 2000-2001 годы; 2005-2006 годы). Модель 1995-1996 годов показывает, что увеличение числа крупных случаев политического насилия связано с увеличением числа нападений на 65%. В модели для 2000-2001 годов увеличение числа крупных случаев политического насилия связано с повышением вероятности появления политического убийства на 51%, в то время как в модели для 2005-2006 годов каждое повышение числа случаев политического насилия связано с увеличением нападений на 117%. Интересно отметить, что религиозное разнообразие значимо и негативно

связано с политическими убийствами, что указывает на то, что страны с большим религиозным разнообразием менее подвержены нападениям. Результаты, полученные в модели 1995-1996 годов, свидетельствуют о том, что повышение уровня религиозного разнообразия снижает вероятность совершения террористического убийства на 89%. Религиозное разнообразие сокращает число убийств на 82% в 2000-2001 годах и на 88% в 2005-2006 годах. Число внутренне перемещенных лиц в той или иной стране негативно связано с совершением политических убийств, в соответствии с моделью 1995-1996 годов. Для каждого отдельного случая увеличение числа внутренне перемещенных лиц сокращает число политических убийств на весьма незначительную долю (около 0,001%).

Террористические атаки с использованием смертников – отрицательные биномиальная регрессионные модели

Переменная	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011	
	Кoeff. (Ст. ошибка)	IRR	Кoeff. (Ст. ошибка)	IRR	Кoeff. (Ст. ошибка)	IRR	Кoeff. (Ст. ошибка)	IRR
Индекс свободы	-0.87 (0.99)	0.42	-0.37 (0.39)	0.69	0.17 (0.33)	1.19	0.30 (0.27)	1.35
Право на личную неприкосновенность	-1.67 (0.78)*	0.19*	-0.96 (0.41)*	0.38*	-0.90 (0.30)**	0.41**	-0.38 (0.27)	0.69
Независимость правосудия	3.19 (2.21)	24.22	-0.76 (0.94)	0.47	0.39 (0.92)	1.47	-1.13 (0.85)	0.32
Политическое насилие	0.57 (0.61)	1.76	0.61 (0.34)	1.84 ^	0.72 (0.34)	2.05	-0.25 (0.26)	0.78
Принимаемые беженцы	0.002 (0.002)	1.00	9.37 E ⁻⁰⁵ (0.002)	1.00	0.001 (0.003)	1.00	-	-
Происходящие из страны беженцы	0.001 (0.01)	1.00	0.006 (0.006)	1.01	0.008 (0.003)**	1.01**	-	-
Внутренне перемещенные лица	-0.001 (0.001)	1.00	-0.001 (0.001)	1.00	-0.002 (0.001)	1.00	-	-
Политическая стабильность	-	-	-	-	-	-	-2.06 (0.52)***	0.13***
Контроль над коррупцией	-	-	-0.10 (0.94)	0.90	1.00 (1.11)	2.71	-	-
Религиозное разнообразие	-4.93 (5.55)	0.01	0.36 (1.71)	1.43	-3.98 (2.54)	0.02	-2.23 (1.95)	0.11
ВВП на душу населения	0.000 (.0001)	1.00	0.00 (7.90 E ⁻⁰⁵) ^	1.00 ^	5.31 E ⁻⁰⁵ (6.74 E ⁻⁰⁵)	1.00	0.00 (4.71 E ⁻⁰⁵)***	1.00***
Константа	-0.16 (5.53)	-	2.14 (2.35)	-	1.24 (1.81)	-	-2.42 (2.07)	-
Отношение правдоподобия χ^2	108.79***	-	32.538***	-	42.736***	-	53.82***	-
Число наблюдений	n = 139	-	n = 144	-	n = 148	-	n = 158	-

Table 4. Suicide Bombings Terrorist Attacks - Negative Binominal Regression Models

Как видно из Таблицы 4, число беженцев, происходящих из страны, существенно и положительно связано с терактами смертников в период 2005-2006 годов. Это свидетельствует о том, чем большее число беженцев, покинувших страну, связано с большим числом террористических актов с использованием смертников в этой стране. Однако, как и в результатах с ВВП на душу населения, коэффициент инцидентов очень близок к 1,00. Это означает, что для каждого отдельного увеличения числа беженцев, нападения террористов-смертников увеличиваются всего лишь на долю процента. Окончательные результаты по всем регрессионным моделям обобщены в Таблице 5, в которой показаны переменные, имеющие значимую связь как с политическими убийствами, так и с нападениями террористов-смертников, а также направленность этих отношений.

В модели 2000-2001 годов как для политических убийств, так и для терактов с использованием смертников имели некоторые переменные, достигающие предельного значения значимости (при $p < 0,10$). Что касается модели для политического убийства, то число беженцев, происходящих из той или иной страны, было негативно связано с нападениями. Для модели терактов смертников, политическое насилие и ВВП на душу населения были положительно связаны с нападениями. На протяжении всех периодов переменные, измеряющие независимость судебных органов, числа беженцев, принимаемых страной, и контроль над коррупцией, не оказали существенного влияния на общее число политических убийств или нападений террористов-смертников.

Значимые переменные в итоговых моделях регрессии

Переменные	1995–1996		2000–2001		2005–2006		2010–2011	
	Полит. убийство	Теракт смертника	Полит. убийство	Теракт смертника	Полит. убийство	Теракт смертника	Полит. убийство	Теракт смертника
Право на личную неприкосновенность	–	–	–	–		–	–	
Политическое насилие	+		+		+			
Происходящие из страны беженцы						+		
Внутренне перемещенные лица	–							
Политическая стабильность							–	–
Религиозное разнообразие	–		–		–			
ВВП на душу населения							+	+

Table 5. Significant Variables in Final Regression Models

Результаты подтверждают, что некоторые из коррелятов терроризма связаны как с политическими убийствами, так и с терактами смертников, в то время как другие уникально связаны с только убийствами, либо только с нападениями террористов-смертников. Кроме того, некоторые факторы не связаны ни с одним типом атак. Это говорит о том, что различные террористические тактики могут вытекать из различных основополагающих проблем.

Для большинства моделей анализ подкрепляет более широкую литературу по терроризму, обнаружив, что страны, которые ценят гражданские права, испытывают меньше террористических политических убийств и нападений с использованием смертников. Страны, которые нарушают гражданские и личные права: использование пыток, применение смертной казни без длительного расследования и лишение свободы своих граждан за политические убеждения, могут создать условия, способствующие терроризму, который, в свою очередь, побуждает террористов к совершению политических убийств или использования смертников. Правительства, совершающие эти злоупотребления, могут также служить целями для лиц, принадлежащих к меньшинствам или экстремистским группам. В результате отдельные лица в этих группах могут обратиться к терроризму и использовать либо тактику политических убийств, либо целе-

направленное использование смертников в качестве средства борьбы с правительством и достижения идеологических целей.

Другим последовательным выводом из моделей 2010-2011 годов является то, как показатель политической стабильности в сфере управления связан с меньшим числом террористических политических убийств и нападений смертников. Государства, страдающие от политической нестабильности, могут позволить террористам действовать в пределах своих границ, поскольку они не располагают возможностями для успешного пресечения террористической деятельности. Поэтому политически стабильные государства с большей вероятностью успешно пресекают террористическую деятельность. Политические убийства, совершенные террористами, и нападения террористов-смертников в политически стабильных государствах могут также не иметь предполагаемых последствий из-за прочности таких государств и их способности эффективно реагировать на нападения.

Хотя было установлено, что увеличение ВВП на душу населения в моделях 2010-2011 годов связано с увеличением числа политических убийств и применения смертников, размер эффекта крайне невелик. Несмотря на это, позитивная взаимосвязь, проявившаяся в этих годах, между ВВП на душу населения и политическими убийствами, а также нападениями смертников может означать,

что террористов привлекает осуществление таких нападений в более богатых странах, поскольку они могут привлечь к себе больше внимания и оказать более сильное влияние на правительство и население.

Неудивительным является вывод о том, каким образом внутренний конфликт внутри страны в форме крупных эпизодов политического насилия связан с увеличением числа политических убийств в три из четырех периодов (1995-1996, 2000-2001 и 2005-2006 годы). Террористы могут совершать убийства должностных лиц в качестве прямого ответа на случаи политического насилия в стране. Поэтому увеличение числа таких случаев может мотивировать террористов на ответные нападения. Террористы могут также истолковывать случаи политического насилия как возможность использовать общественно-заметные убийства как средство изменения или дальнейшей дестабилизации и без того слабого или неэффективного правительства.

Один из заметных выводов, полученных в ходе анализа 1995-1996 годов, заключается в том, что внутренние конфликты в форме увеличения числа внутренне перемещенных лиц в стране связаны с меньшим числом террористических политических убийств. Страны с большим числом внутренне перемещенных лиц могут подвергнуться меньшему числу нападений, поскольку перемещаемые ими лица являются террористами или сочувствующими им, а процесс перемещения может помешать организовать и осуществить убийства. Однако, как и в случае с ВВП на душу населения, число политических убийств террористов сокращается всего на долю процента на каждое увеличение числа внутренне перемещенных лиц.

Другой значимый вывод заключается в том, как большее религиозное разнообразие связано с меньшим количеством политических убийств в большинстве периодов, но не связано с нападениями смертников. Учитывая литературу, в которой рассматривается неотъемлемая роль религии в разжигании терроризма, этот результат является неожиданным. Страны с большим религиозным разнообразием могут испытывать меньше террористических политических убийств,

поскольку они более терпимы к религиозным меньшинствам. Существование в стране многочисленных религиозных групп может свидетельствовать о том, что лица, принадлежащие к этим различным группам, могут быть включены в состав правительства и тем самым мирно сосуществовать, не прибегая к религиозному экстремизму и терроризму для достижения своих целей. Другим объяснением этого вывода могло бы быть то, что религиозное разнообразие способствует организованному терроризму, и, таким образом, террористы в таких странах выбирают крупномасштабные нападения со многими жертвами вместо атак, направленных против отдельных лиц. В странах с меньшим религиозным разнообразием организационный потенциал террористов может быть более слабым, и, таким образом, совершать убийства могут только отдельные радикализированные лица, а не группы. Кроме того, террористические группы, действующие в странах с большим религиозным разнообразием, могут иметь больше потенциальных целей для нападения. Таким образом, им может показаться ненужным планировать сложно-осуществимое политическое убийство, если они могут более легко атаковать своих религиозных врагов с помощью других тактик, таких как взрывы.

Один из выводов, связанных с атаками террористов-смертников, заключается в том, что в период 2005-2006 годов большее число беженцев, происходящих из страны, в значительной степени связано с увеличением числа нападений. Хотя этот вывод связан с весьма незначительным увеличением числа нападений, он может свидетельствовать о том, что беженцы, покидающие такие страны, делают это в результате происходящих беспорядков. Поскольку террористические группы на Ближнем Востоке используют смертников, этот вывод может касаться беженцев, происходящих из таких конфликтных стран, как Ирак или Афганистан. Кроме того, возможно, большее число беженцев, происходящих из страны, в значительной степени связано с большим числом нападений, совершаемых смертниками, а не с политическими убийствами из-за высокой эффективности смертников, по сравнению

с другими формами терроризма. Исследования показали, что нападения смертников гораздо более смертоносны, чем другие виды терроризма, и террористы-смертники способны лучше достигать своих целей⁷⁸. Учитывая смертоносность и эффективность подобных нападений, возможно, террористы в этих странах в первую очередь стремились убить как можно большее число людей, что может быть осуществлено с большей вероятностью, чем политическое убийство значимого лица.

На протяжении всех четырех периодов уровень свободы, независимость судебных органов, число принимаемых страной беженцев, и борьба с коррупцией не оказывали существенного влияния. Эти результаты являются вкладом в предыдущую литературу, в которой подчеркивается необходимость изучения степени развития демократии, существующей в странах, а не только ее наличия. В будущих исследованиях необходимо изучить, как уровень демократии в стране может повлиять на возникновение террористических политических убийств. Возможно, показатель независимости судебной системы не был связан с политическими убийствами, поскольку террористы, действующие в странах со слабыми независимыми судебными органами, предпочитают осуществлять другие виды нападений, которые они находят более эффективными для достижения своих целей, например, взрывы бомб или вооруженные нападения. Внутренний конфликт в форме количества покидающих страну беженцев, возможно, не связан с политическими убийствами, поскольку страны, принимающие большое число беженцев, проявляют большую терпимость к преследуемым группам. В результате этим странам может не хватить напряженности, которая способствует политическим убийствам, совершаемых террористами. Наконец, тот факт, что переменная контроля над коррупцией не имеет существенного отношения к террористическим убийствам в какой-либо модели, не согласуется с мне-

нием, что коррупция прямо способствует терроризму. Этот вывод подтверждает идею о том, что различные террористические тактики, такие как политические убийства, могут проистекать из различных коренных проблем. Возможно, террористы не совершают убийств в коррумпированных странах для достижения своих целей, потому что они могут извлечь выгоду из присутствия этой коррупции. Например, они могут использовать коррупцию для получения финансирования и использования своего влияния на правительство. Таким образом, им не нужно убивать правительственных чиновников для достижения своих целей.

Заключение

Были выявлены некоторые коренные причины терроризма, которые однозначно связаны с тактикой политического убийства, в то время как другие были одновременно связаны как с убийствами, так и с нападениями смертников. Это говорит о том, что различные тактики терроризма возникают в различных условиях. Результаты показывают, что права на личную неприкосновенность, политическая стабильность и ВВП на душу населения связаны как с политическими убийствами, так и с нападениями террористов-смертников в определенные периоды.

Результаты также свидетельствуют о том, что крупные случаи политического насилия и число внутренне перемещенных лиц в значительной степени связаны с политическими убийствами в некоторые, но не во все периоды. Кроме того, религиозное разнообразие в значительной степени способствует уменьшению числа жертв террористов в течение большинства периодов времени. Хотя было установлено, что эти переменные не связаны с нападениями смертников, предполагается, что они могут быть уникальными для тактики политического убийства. Таким образом, эти переменные в значительной степени связаны с совершением покушений во всем мире и могут быть истолкованы как корреляты террористических убийств на страновом уровне за указанные периоды. Беженцы, происходящие из страны, однозначно связа-

⁷⁸ Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

ны с нападениями террористов-смертников, но не с политическими убийствами в течение одного периода. Уровень свободы, независимые судебные органы, принимаемые страной беженцы и борьба с коррупцией в значительной степени не связаны с политическими убийствами или нападениями смертников ни в один из периодов.

Дополнительным направлением будущих исследований, являются потенциальные различия, связанные с коррелятами террористических убийств на уровне страны по неофициальным целям (частными лицами) по сравнению с официальными целями (государственными должностными лицами), чтобы определить, существуют ли различия в этих условиях между типами целей. Таким образом, исследование вносит вклад в изучение как политических убийств, так и терроризма, поскольку были проанализированы потенциальные условия на уровне страны, способствующие террористическим убийствам.

Литература:

Каратаев М.В. Коррупция как причина, условие и сопутствующий фактор российского терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 21. – С. 43-52.

Перенджиев А.Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности. – Химки. Издательство: Академия гражданской защиты МЧС России, 2017. – 151 с.

Сибряков И.В. История политического террора в России в начале XX века в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 28 (204). – С. 65-70.

Тарабрина Н.В., Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2014. – 156 с.

Abadie, A. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism (Working Paper No. 10859) / National Bureau of Economic Research. 2004. Mode of access: www.nber.org/papers/w10859

Abbott, P. Accidental Presidents: Death, Assassination, Resignation, and Democratic Succession // *Presidential Studies Quarterly*, 2005, No. 35, pp. 627-645.

Abrahms, M. Why Democracies Make Superior Counter-terrorists // *Security Studies*, 2007, No. 16, pp. 223-253.

Aksoy, D., Carter, D.B. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups // *British Journal of Political Science*, 2014, No. 44, pp. 181-204.

Appleton, S. Assassinations // *Public Opinion Quarterly*, 2000, No. 64, pp. 495-522.

Araj, B. Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli conflict // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2008, No. 31, pp. 284-303.

Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

Ben-Yehuda, N. Gathering Dark Secrets, Hidden and Dirty Information: Some Methodological Notes on Studying Political Assassinations // *Qualitative Sociology*, 1990, No. 13, p. 345.

Björge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode of access: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

Blair, G., Christine Fair, C., Malhotra, N., Shapiro, J.N. Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan // *American Journal of Political Science*, 2013, No. 57, pp. 30-48.

Bogosian, E. Operation Nemesis: The assassination plot that avenged the Armenian genocide. London: Hachette, 2015.

Callaway, R.L.; Harrelson-Stephens, J. Toward a Theory of Terrorism: Human Security as a Determinant of Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 773-796.

Campos, N.F., Gassebner, M. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect // *Economics and Politics*, 2013, No. 25, pp. 27-47.

Choi, S.W.; Luo, S. Economic Sanctions, Poverty, and International Terrorism: An Empirical Analysis // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 217-245.

Cingranelli, D.; Richards, D. The Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project Coding Manual. Version 5.20.14. Mode of access: www.humanrightsdata.com/p/data-documentation.html

Clarke, R.V.G., Newman, G.R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group. 2006.

Crotty, W.S. Presidential Assassinations // *Society*, 1998, No. 35, pp. 99-107.

Ebel-Lam, A.P.; Fabrigar, L.R.; MacDonald, T.K.; Jones, S. Balancing Causes and Consequences: The Magnitude-Matching Principle in Explanations for Complex Social Events // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010, No. 32(4), pp. 348-359.

Eubank, W.L.; Weinberg, L.B. Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9, pp. 98-108.

Feldmann, A.E.; Perälä, M. Reassessing the Causes of Nongovernmental Terrorism in Latin America // *Latin American Politics and Society*, 2004, No. 46, pp. 101-132.

Fijuaut, C. Twenty Years ago: The Assassinations of Giovanni Falcone and Paolo Borsellino // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2012, No. 20, pp. 131-136.

Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

Freedman, L.Z. Social Impact of Attack on a President: Its Public Reverberations // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 195-206.

Freilich, J.D.; LaFree, G. Criminology Theory and Terrorism: Introduction to the Special Issue // *Terrorism and Political Violence*, 2015, No. 27, pp. 1-8.

Goldstein, J. On Political Assassinations and Heinous Crimes // *Aggressive Behavior*, 1981, No. 7, pp. 268-270.

Heyman, M.N. A Study of Presidential Assassins // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 131-150.

Howard, T. Failed States and the Spread of Terrorism in Sub-Saharan Africa // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2010, No. 33, pp. 960-988.

Hurwitz, L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*, 1973, No. 5, pp. 449-463.

Juergensmeyer, M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence, Vol. 13. Berkeley, CA: University of California Press. 2003.

Kaufmann, D.; Kraay, A.; Mastruzzi, M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and analytical issues // *Hague Journal of the Rule of Law*, 2011, No. 3, pp. 220-246.

Kazemzadeh, M.; Eid, G.E. An Analysis of the Assassination of the Lebanese Hezbollah Commander Imad Mughniyah: Hypotheses and consequences // *American Foreign Policy Interests*, 2008, No. 30, pp. 399-413.

Khan, M.M.; Azam, A. Root Causes of Terrorism: An Empirical analysis // *Journal of Interdisciplinary Studies*, 2008, No. 20, pp. 65-86.

Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

Korteweg, R. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*, 2008, No. 10, pp. 60-71.

Krueger, A.B.; Malečková, J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, No. 17, pp. 119-144.

Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

Maos, Z.; Henderson, E.A. The World Religion Dataset, 1945-2010: Logic, Estimates, and Trends // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 265-291.

Marshall, M.G. Codebook: Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946-2013 // Center for Systemic Peace. 2014. Mode of access: www.systemicpeace.org

Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

Pape, R.A. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*, 2003, No. 97, pp. 343-361.

Piazza, J.A. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007, No. 30, pp. 521-539.

Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

Piazza, J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*, 2006, No. 18, pp. 159-177.

Piazza, J.A., Walsh, J.I. Physical Integrity rights and Terrorism // *Political Science and Politics*, 2010, No. 43, pp. 411-414.

Pratt, D. Religion and Terrorism: Christian Fundamentalism and Extremism // *Terrorism and Political Violence*, 2010, No. 22, pp. 438-456.

Rotberg, R.I. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, 2002, No. 81, pp. 127-140.

Satana, N.S.; Inman, M.; Birnir, J.K. Religion, Government Coalitions, and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2013, No. 25, pp. 29-52.

Schwartz, B. Mourning and the Making of a Sacred Symbol: Durkheim and the Lincoln Assassination // *Social Forces*, 1991, No. 70, pp. 343-364.

Shelley, L. The Unholy Trinity: Transnational Crime, Corruption, and Terrorism // *Brown Journal of World Affairs*, 2004, No. 11, pp. 101-111.

Simpson, M. Terrorism and Corruption // *International Journal of Sociology*, 2014, No. 44, pp. 87-104.

Stolnici, C.B.; Buda, O. An Unclear Political Assassination: Barbu Catargiu, 1862 – Historical and Medico-Legal Aspects // *Romanian Journal of Forensic Science*, 2012, No. 79, pp. 907-911.

Subjack, J. Review of the Book “Assassination: A History of Political Murder, by L. Porter” // *International Criminal Justice Review*, 2011, No. 21, pp. 470-472.

Türkmen-Derivoşlu, G. Coming to Terms with a Difficult Past: The Trauma of the Assassination of Hrant Dink and Its Repercussions on Turkish national Identity // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 19, pp. 674-692.

Varma, N.K.; Chandiramani, K., Rao, G.P.; Bhawe, S.; Kaur, S. Assassination of Indira Gandhi: Impact on Psychiatric Patients // *American Journal of Psychotherapy*, 1989, No. 43, p. 77.

Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

Wilkinson, P. The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9(2), pp. 51-64.

Williams, L.K.; Koch, M.T.; Smith, J.M. The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *International Studies Perspectives*, 2013, No. 14, pp. 343-361.

Yitzhak, R. The Assassination of King Abdallah: The First Political Assassination in Jordan: Did it Truly Threaten the Hashemite Kingdom of Jordan? // *Diplomacy and Statecraft*, 2010, No. 21, pp. 68-86.

Zelig, A., Nachson, I. Accurate, Inaccurate and Omitted Details in Collective Emotional Memories: The Case of Itzhak Rabin's Assassination // *Memory*, 2012. V. 20, pp. 742-757.

References:

Abadie, A. Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism (Working Paper No. 10859) / National Bureau of Economic Research. 2004. Mode of access: www.nber.org/papers/w10859

Abbott, P. Accidental Presidents: Death, Assassination, Resignation, and Democratic Succession // *Presidential Studies Quarterly*, 2005, No. 35, pp. 627-645.

Abrahms, M. Why Democracies Make Superior Counterterrorists // *Security Studies*, 2007, No. 16, pp. 223-253.

Aksoy, D., Carter, D.B. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups // *British Journal of Political Science*, 2014, No. 44, pp. 181-204.

Appleton, S. Assassinations // *Public Opinion Quarterly*, 2000, No. 64, pp. 495-522.

Araj, B. Harsh State Repression as a Cause of Suicide Bombing: The Case of the Palestinian-Israeli conflict // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2008, No. 31, pp. 284-303.

Benmelech, E.; Berrebi, C.; Klor, E.F. Economic Conditions and the Quality of Suicide Terrorism // *The Journal of Politics*, 2012, No. 74, pp. 113-128.

Ben-Yehuda, N. Gathering Dark Secrets, Hidden and Dirty Information: Some Methodological Notes on Studying Political Assassinations // *Qualitative Sociology*, 1990, No. 13, p. 345.

Björge, T. Root causes of terrorism myths, reality, and ways forward. London/New York: Routledge. 2005. Mode

of access: <http://public.eblib.com/choice/publicfullrecord.aspx?p=199597>

Blair, G., Christine Fair, C., Malhotra, N., Shapiro, J.N. Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan // *American Journal of Political Science*, 2013, No. 57, pp. 30-48.

Bogossian, E. Operation Nemesis: The assassination plot that avenged the Armenian genocide. London: Hachette, 2015.

Callaway, R.L.; Harrelson-Stephens, J. Toward a Theory of Terrorism: Human Security as a Determinant of Terrorism // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 773-796.

Campos, N.F., Gassebner, M. International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect // *Economics and Politics*, 2013, No. 25, pp. 27-47.

Choi, S.W.; Luo, S. Economic Sanctions, Poverty, and International Terrorism: An Empirical Analysis // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 217-245.

Cingranelli, D.; Richards, D. The Cingranelli-Richards (CIRI) Human Rights Data Project Coding Manual. Version 5.20.14. Mode of access: www.humanrightsdata.com/p/data-documentation.html

Clarke, R.V.G., Newman, G.R. Outsmarting the Terrorists. London: Greenwood Publishing Group, 2006.

Crotty, W.S. Presidential Assassinations // *Society*, 1998, No. 35, pp. 99-107.

Ebel-Lam, A.P.; Fabrigar, L.R.; MacDonald, T.K.; Jones, S. Balancing Causes and Consequences: The Magnitude-Matching Principle in Explanations for Complex Social Events // *Basic and Applied Social Psychology*, 2010, No. 32(4), pp. 348-359.

Eubank, W.L.; Weinberg, L.B. Terrorism and Democracy within One Country: The Case of Italy // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9, pp. 98-108.

Feldmann, A.E.; Perälä, M. Reassessing the Causes of Nongovernmental Terrorism in Latin America // *Latin American Politics and Society*, 2004, No. 46, pp. 101-132.

Fijuaut, C. Twenty Years ago: The Assassinations of Giovanni Falcone and Paolo Borsellino // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2012, No. 20, pp. 131-136.

Findley, M.G.; Young, J.K. Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*, 2011, No. 55, pp. 357-378.

Freedman, L.Z. Social Impact of Attack on a President: Its Public Reverberations // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 195-206.

Freilich, J.D.; LaFree, G. Criminology Theory and Terrorism: Introduction to the Special Issue // *Terrorism and Political Violence*, 2015, No. 27, pp. 1-8.

Goldstein, J. On Political Assassinations and Heinous Crimes // *Aggressive Behavior*, 1981, No. 7, pp. 268-270.

Heyman, M.N. A Study of Presidential Assassins // *Behavioral Sciences and the Law*, 1984, No. 2, pp. 131-150.

Howard, T. Failed States and the Spread of Terrorism in Sub-Saharan Africa // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2010, No. 33, pp. 960-988.

Hurwitz, L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*, 1973, No. 5, pp. 449-463.

Juergensmeyer, M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence, Vol. 13. Berkeley, CA: University of California Press, 2003.

Karataev, M.V. Korrupciya kak prichina, uslovie i soputstvuyushchij faktor rossijskogo terrorizma

(Corruption as a Cause, Condition and Concomitant Factor of Russian Terrorism) // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2012, No. 21, pp. 43-52.

Kaufmann, D.; Kraay, A.; Mastruzzi, M. The Worldwide Governance Indicators: Methodology and analytical issues // *Hague Journal of the Rule of Law*, 2011, No. 3, pp. 220-246.

Kazemzadeh, M.; Eid, G.E. An Analysis of the Assassination of the Lebanese Hezbollah Commander Imad Mughniyah: Hypotheses and consequences // *American Foreign Policy Interests*, 2008, No. 30, pp. 399-413.

Khan, M.M.; Azam, A. Root Causes of Terrorism: An Empirical analysis // *Journal of Interdisciplinary Studies*, 2008, No. 20, pp. 65-86.

Kis-Katos, K.; Liebert, H.; Schulze, G.G. On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*, 2011, No. 27(1), P. 17-36.

Korteweg, R. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*, 2008, No. 10, pp. 60-71.

Krueger, A.B.; Malečková, J. Education, Poverty and Terrorism: Is There a Causal Connection? // *The Journal of Economic Perspectives*, 2003, No. 17, pp. 119-144.

Lewis, B. The Assassins. New York: Basic Books, 2008.

Maoz, Z.; Henderson, E.A. The World Religion Dataset, 1945-2010: Logic, Estimates, and Trends // *International Interactions*, 2013, No. 39, pp. 265-291.

Marshall, M.G. Codebook: Major Episodes of Political Violence and Conflict Regions, 1946-2013 // Center for Systemic Peace, 2014. Mode of access: www.systemicpeace.org

Newman, E. Exploring the «Root Causes» of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*, 2006, No. 29, pp. 749-772.

Pape, R.A. The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*, 2003, No. 97, pp. 343-361.

Perendzhiev, A.N. Antiterroristicheskaya politika Rossii i ee instituty bezopasnosti (Antiterrorist Policy of Russia and Its Security Institutions). Himki. Izdatel'stvo: Akademiya grazhdanskoj zashchity MCHS Rossii, 2017. 151 p.

Piazza, J.A. Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries // *Studies in Conflict and Terrorism*, 2007, No. 30, pp. 521-539.

Piazza, J.A. Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism // *Journal of Peace Research*, 2011, No. 48, pp. 339-353.

Piazza, J.A. Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*, 2006, No. 18, pp. 159-177.

Piazza, J.A., Walsh, J.I. Physical Integrity rights and Terrorism // *Political Science and Politics*, 2010, No. 43, pp. 411-414.

Pratt, D. Religion and Terrorism: Christian Fundamentalism and Extremism // *Terrorism and Political Violence*, 2010, No. 22, pp. 438-456.

Rotberg, R.I. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, 2002, No. 81, pp. 127-140.

Satana, N.S.; Inman, M.; Birnir, J.K. Religion, Government Coalitions, and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2013, No. 25, pp. 29-52.

Schwartz, B. Mourning and the Making of a Sacred Symbol: Durkheim and the Lincoln Assassination // *Social Forces*, 1991, No. 70, pp. 343-364.

Shelley, L. The Unholy Trinity: Transnational Crime, Corruption, and Terrorism // *Brown Journal of World Affairs*, 2004, No. 11, pp. 101-111.

Sibiriyakov, I.V. Istoriya politicheskogo terrora v Rossii v nachale XX veka v otechestvennoj postsovetsoj istoriografii // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 2010, No. 28 (204), pp. 65-70.

Simpson, M. Terrorism and Corruption // *International Journal of Sociology*, 2014, No. 44, pp. 87-104.

Stolnici, C.B.; Buda, O. An Unclear Political Assassination: Barbu Catargiu, 1862 – Historical and Medico-Legal Aspects // *Romanian Journal of Forensic Science*, 2012, No. 79, pp. 907-911.

Subjack, J. Review of the Book “Assassination: A History of Political Murder, by L. Porter” // *International Criminal Justice Review*, 2011, No. 21, pp. 470-472.

Türkmen-Derivoğlu, G. Coming to Terms with a Difficult Past: The Trauma of the Assassination of Hrant Dink and Its Repercussions on Turkish national Identity // *Nations and Nationalism*, 2013, No. 19, pp. 674-692.

Varma, No.K.; Chandiramani, K., Rao, G.P.; Bhava, S.; Kaur, S. Assassination of Indira Gandhi: Impact on Psychiatric Patients // *American Journal of Psychotherapy*, 1989, No. 43, p. 77.

Von Hippel, K. The Roots of Terrorism: Probing the Myths // *Political Quarterly*, 2002, No. 73, pp. 25-39.

Wilkinson, P. The Media and Terrorism: A Reassessment // *Terrorism and Political Violence*, 1997, No. 9(2), pp. 51-64.

Williams, L.K.; Koch, M.T.; Smith, J.M. The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *International Studies Perspectives*, 2013, No. 14, pp. 343-361.

Yitzhak, R. The Assassination of King Abdallah: The First Political Assassination in Jordan: Did it Truly Threaten the Hashemite Kingdom of Jordan? // *Diplomacy and Statecraft*, 2010, No. 21, pp. 68-86.

Zelig, A., Nachson, I. Accurate, Inaccurate and Omitted Details in Collective Emotional Memories: The Case of Itzhak Rabin's Assassination // *Memory*, 2012. V. 20, pp. 742-757.

Тарабрина Н.В., Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование. – М.: Тарабрина, Н.В.; Быховец, Ю.В. Террористическая угрозы: теоретико-эмпирическое исследование (Terrorist Threats: Theoretical and Empirical Investigation). Moscow: Iz-vo «Institut psihologii RAN», 2014. 156 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10008

COMPARATIVE ANALYSIS OF TERRORIST TACTICS OF POLITICAL ASSASSINATION AND SUICIDE ATTACKS

Andrei V. Novikov

*Russian Economic University of Plekhanov,
Moscow, Russia*

Article history:	Abstract: The article is devoted to the comparative analysis of terrorist tactics, in particular to the search for macro-causes of the appeal to the political murders of prominent state and public figures. Examined are the political and social-economic conditions related to political murders committed by terrorists, and conditions associated with the attacks of suicide bombers. In the course of the study, a series of negative binomial regression models were constructed for four periods from 1995 to 2011. As a result, some root causes clearly linked to the use of terrorist tactics of political assassinations were identified. The findings indicate that terrorist tactics stem from various underlying problems in the country.
Received:	
	03.03.2018
Accepted:	
	09.10.2018
About the author:	
Researcher, Department of Political Science and Sociology, Russian Economic University of Plekhanov	
e-mail: Camouflage@yandex.ru	
Key words:	
terrorism; political murder; suicide terrorism; terrorist tactics; political violence; comparative analysis; regression analysis	

Для цитирования: Новиков А.В. Сравнительный анализ террористической тактики политического убийства и терактов смертников // *Сравнительная политика*. – 2019. – №1 – С. 124-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10008

For citation: Novikov, Andrei V. Sravnitelnyi analiz terroristicheskoi taktiki politicheskogo ubiystva i teraktov smertnikov (Comparative Analysis of Terrorist Tactics of Political Assassination and Suicide Attacks) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 124-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10008